

Иван Филин

Безгрешный

Трилогия. Книга первая.

Лань

Безгрешный

Иван Филин

Лань

«Accent Graphics communications»

2014

Филин И.

Лань / И. Филин — «Accent Graphics communications»,
2014 — (Безгрешный)

Трилогия «Безгрешный» это фэнтези нового поколения. Борьба добра со злом идет не на полях битвы, и не при помощи оружия, а в душах и сердцах людей. В первой книге вы познакомитесь с главными героями трилогии и познакомитесь с ее законами.

Содержание

Подкидыш	5
Цена мечей	7
Шамо	9
Рудокопы	11
Другие уроки	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Иван Филин

Лань. Трилогия Безгрешный. Книга первая

Подкидыш

Тихая ночь, и самое удивительное в ней – это плач ребенка. Старый кузнец проснулся, и еще не веря себе, открыл дверь своего дома. Старого человека, который многое пережил за свою жизнь, нечем было удивить. Но теперь его удивлению не было предела. На его крыльце лежал маленький ребенок. Кто мог его подкинуть, он не знал. И сам не мог оставить дитя на пороге своего дома. Бережно взяв его на руки, он покачал головой. Зная, что его трудно будет прокормить, и что скажет Расма?

Она спала, разбудив свою дочь, он, молча, показал ей дитя. Еще не проснувшись, Расма ничего не поняла. Только потом спросила.

– Откуда это?

– Подкидыш, кто-то принес его нам, не умирать же ему от людской ненависти. Расма осмотрела ребенка и, ничего не сказав, передела его и накормила. Кузнец долго скрывал подкидыша от соседей, – но потом правда стала известна всем, но никто не знал, кто подкинул ребенка, в столь малой деревне все было известно всем.

Люди, что подкинули дитя, все верно рассчитали, ни у кузнеца, ни у его дочери не было сыновей, к тому же он мог прокормить подкидыша.

Его ремесло могло обеспечить большую семью, которой у пожилого кузнеца уже и не было. Муж Расмы слег от болезни, а сама она не нашла себе другой любви.

Предгорная деревня, в которой они жили, пустела с каждым днем, жизнь здесь становилась все более трудной, и только кузнец своим ремеслом мог прокормить себя. И в то же время его здесь удерживала не только кузница, но и близость к железным залежам, которые добывали рудокопы.

Любой другой человек был бы более обременен подкидышем, нежели Кузнец который сам обрадовался подкидышу, как дару небес.

Сначала Кузнец растерялся и даже не знал, что делать с подкидышем. И только потом принял его как собственного.

– В любом случае он будет знать, что он не родной, и в то же время мы будем воспитывать его как родного, – сказал он Расме.

Вместе с Расмой они жили довольно неплохо, но сам кузнец не мог найти себе ученика или подмастерье. Многие люди уходили из деревни на равнины, где жизнь была намного легче. Кузнец предъявлял довольно жесткие требования к своим ученикам. Мало кто выдерживал его характер и тяжелую работу, и порой ученики сами убегали от тяжелой работы, если Кузнец не вышвыривал очередного рослого увальня со двора.

Подмастерье – так называли мальчика, стал надеждой для них, тем чудом, на которое Кузнец и Расма не надеялись. И уже давно приемные родители все меньше спрашивали, не потерялся ли у кого ребенок. Все еще надеясь найти его родителей. Но таких не находилось, хоть и говорили, что Кузнец принял бы их к себе.

Так они и стали жить втроем, неплохо и в семейной радости.

Шли годы, ребенок рос, а Кузнец своим тяжким трудом зарабатывал на хлеб. Ему приносили старые вещи, из них он делал новые. Когда не было работы, он просто делал то, что хотел, и вскоре его творения находили себе хозяина.

Что бы немного заработать он ковал, инструменты и подковы, труд кузнеца был востребованным и тяжелым, и даже сами заказчики – землешцы, охотники или рудокопы с большой неловкостью подходили к старому Кузнецу за следующим заказом.

Кузнец удивлял их не столько качеством и сроками работы, сколько своей тягой к работе, железным характером, здоровьем и жизнелюбием.

И приходит к нему землешец, или рудокоп, и думает он, что выйдет сейчас Расма – дочь кузнеца, и скажет, что нет больше Кузнеца, не может он, старый стал.

Но всегда выходил сам Кузнец. Как казалось, еле немощный, глухой, но озаренный жизненным светом, при виде которого невольно кланялся пришедший.

О цене Кузнец никогда не спрашивал.

– Оплатишь труд, как считаешь нужным, – говорил он заказчику.

Все знали труд кузнеца, и все уважали его как человека. Всегда помогали помощью человеческой или монетой, да и сам Кузнец помогал людям, чем мог. За что говорили о нем хорошо и уважали его, не только как кузнеца, но больше как человека.

Когда мальчик подрос кузнец начал обучать его своему ремеслу. Твердость и упорство мальчика нравились кузнецу, и в нем самом появилось намного больше сил, чем было раньше. Теперь Кузнец знал, что свое мастерство он может передать другому человеку.

Расма тоже была рада помощнику по хозяйству, смотря, как мальчик работает в кузнице, и все меньше его о чем-то просила, сама справляясь по хозяйству.

Сам подмастерье говорил редко, тяжелый труд не тяготил его, наоборот, он становился все более сильным и крепким, как телом, так и духом. Со сверстниками он общался редко, все время проводя в кузнице, познавая ремесло кузнеца.

Он уже мог что-либо делать сам в кузнице, но с мастерством кузнеца это не могло сравниться. Единственное, чего у него не было это имени. Кузнец не дал ему имя, сказав: «Найдет свое имя сам».

Так и называли его Подмастерье, потом и сам мальчик привык к этому имени.

Цена мечей

Однажды приехал к ним некий купец. Он выкупил все, что сделал кузнец для себя, для души. Все украшения из металла, чаши, кувшины, разную утварь.

– За твою работу я щедро тебя благодарю. Сказал купец. – Все, что ты делаешь, мило и красиво, но есть заказ к тебе. Надобно будет мне мечей и копий больше, если что помощников разумных могу дать.

На что кузнец, нахмурившись, ответил.

– Ты купец, у меня купил, мне заплатил. Я не в обиде, и ты за свой выгодой присмотрел. Я творю, что от сердца дано, и люди радуются. И если захотел ты помышлять не торговлей, а разбоем – то уходи, и не приходи более. Ибо нет во мне старом, желания мечи делать, что жизни у людей отнимают.

Застыдился купец, торговля его не шла более, вот и задумал он ранее, рать собрать из разбоя. Но кузнец, как узнал о намерения его?

– Ладно, не гневись, не хочешь не надо. Делай что хочешь, потом приду.

Подмастерье не понимал, как можно было от такой выгоды отказаться. Ведь выковать мечи и наконечники мог он сам, и за несколько дней заработать много монет.

– Почему не согласился ты мечи ковать? Спросил он у кузнеца за ужином. Вместо ответа Подмастерье получил затрещину, от которой свалился на пол.

А Кузнец ничего не ответил. И несколько дней не впускал его в кузницу.

– Иди и извинись пред ним. Посоветовала Расма, смотря на сироту с сожалением.

Подмастерье с виноватым видом подошел к кузнецу, встал на колени и сказал.

– Прости. Но кузнец, казалось не замечал его.

– Отец прости.

– Я не отец тебе. Не мое отродье ты.

– Я знаю, но во что гнев твой?

– Вот когда поймешь, тогда и прощения проси. А покуда, лучше бы я тебя не видел, и уходи.

Юноша ушел. Еле пряча слезы, неужели все из за того, что он захотел мечи ковать? Думал он. Работа не тяжкая, прибыльная. И железа можно закупить, и помощников нанять. Вернулся к ужину Подмастерье, но выгнал его кузнец из дома, едва увидев. Три дня почти не ел Подмастерье, не впускали его в дом кузнец. Жил то на улице, то в хлеву чужом.

И вдруг понял он, что не для того дар кузнецу дан, что бы оружие делать. А кому купец даст меч и копьё? Разбоем да грабителям. И понял Подмастерье, если может человек делать дело и творить, – во зло или в добро. То лучше в добро пусть будет оно. А если дар дан, то во сто крат пусть во имя добра пойдет.

И пришел он тогда к кузнецу с повинной головой. Но ничего не сказал кузнец, едва посмотрев на пасынка своего. Дал ему заготовку, а сам старый пошел отдыхать. И понял Подмастерье, что все время, этот старый человек, работал за него, молодого. Слезы полились из его глаз, и раскаяние пришло в его душу. И сам сказал он себе, – Никогда не делать оружия, а если и творить, то только для радости и души.

Так кузнец передавал мастерство свое. И сколь не быстро было обучение Подмастерья как кузнеца, но иные уроки, теперь понимал его ученик быстро, и радость невольно подкрадывалась к старику.

Но иногда Кузнец огорчился и говорил в сердцах, наблюдая за работой ученика.

– Не быть тебе кузнецом, хоть телом и духом ты крепок, но не твоя судьба все это.

Обескураженный Подмастерье удивлялся.

– Если гонишь ты меня, то говори, но не уйду. За твое добро, что видел я в тебе, своим отплачу.

– Не в том судьба твоя, другая.

– Коль знаешь судьбу мою, познавший жизнь, то говори.

– Жизнь знаю, а как сказать не знаю. Стар я стал.

Иногда появлялось в Подмастерье что то такое, сила какая то, от которой казалось, он горы мог сдвинуть, что виднелись в дали. И тогда сам кузнец доверял ему, оставляя свою работу ему. И сам подмастерье понимал, что силы берутся в нем от истины сказанной, но что это за истина, он и сам не знал.

Радовался кузнец, когда у его пасынка все получалось, и сам Подмастерье радовался. И все же иногда скажет кузнец что то такое, от чего молодому не по себе становилось, не то пророчество, не то правда какая, и тогда задумывался Подмастерье, а откуда это все. Жизнь почти прожил Кузнец старый, знает все про нее, и ведает, но как будущее может видеть, всем ли дано? Как понимать может, что руки его творят, как железом управляют, и молотом тяжелым, с которым он не всегда в силах был справиться. И задумывался он тогда и не находил ответа.

Однажды отругал его Кузнец, – как только в нем немощном и старом нашлось столько места и сил для ругани, загубил заготовку, его ученик. Отбранил, отругал, благо что не побил, но на словах еще хуже и стыднее было Подмастерье. Не знал он иногда куда себя и девать. Строгое отношение ко всему, что делал Подмастерье, только со временем стало ему понятно.

– Нет времени в жизни, что бы все переделывать, ты должен научиться все делать с первого раза. Говорил кузнец.

– Но как я могу сделать и научиться делать все с первого раза?

– Надо чувствовать железо и молот, своей душой, сливаться с ними, быть им. Только так ты узнаешь, как и что надо сделать. – В этой жизни нельзя терять ни минуты на бесполезные вещи. Тем более на переделывание уже сделанного.

Юноша изо всех сил пытался понять слова Кузнеца, но как он мог понять кусок железа? Как можно узнать, куда, и с какой силой нужно бить молотом, если сам молот порой казался неподъемным.

Шамо

– Иди за глиной, – сказал однажды Кузнец.
– Но сегодня будет буря, – возразил Подмастерье.
– Буря не твое дело, твое дело принести глину, – ответил Кузнец, который не любил препинаний.

Это была одна из первых обязанностей Подмастерья, глина была жаропрочной, и в нее Кузнец разливал расплавленное железо на заготовки. И если раньше корзины с глиной были едва подъемными и невероятно тяжелыми для Подмастерья, то теперь это была одна из тех обязанностей, которой он радовался, ведь при этом можно было искупаться в реке, у берегов которой он набирал глину.

Подмастерье шел вниз к реке, посматривая на небо, там он видел приближение бури. Сам удивляясь тому, что предсказал бурю почти случайно.

Набрав полные корзины, юноша пошел вверх по узкой тропинке. Буря надвигалась очень быстро, первый же шквал ветра чуть было не сбил его с ног. Потом прогремел гром, – недалеко стихия бушевала во всю свою силу, и всю свою энергию она несла к Подмастерью.

Ведь предугадав ее приближение, он стал ее врагом, и теперь она хотела погубить его. По крайней мере, так показалось Подмастерью, который, оглядываясь на темноту бури, еще быстрее поднимался по узкой и скользкой тропинке, неся большие корзины с глиной на перекладине.

Было темно, он сделал осторожный шаг, потом еще один. Главное, не упасть, – думал Подмастерье, ветер пытался сбить его с ног. Дождь намочил глину в корзинах и размыл тропу, по которой он шел; она стала скользкой, идти становилось все труднее.

Молния, потом еще одна. Подмастерье успел посмотреть направление, в котором надо было идти, Стало очень темно, буря накрыла небо, почти ничего нельзя было разглядеть за темнотой бури и стеной проливного дождя.

Теперь Подмастерье шел скорее из упрямства, глина стала тяжелой от воды, и ее размывало все больше. – Я не сдамся тебе Буря, – говорил юноша, считая ее своим врагом.

Теперь у него была только одна цель – принести глину. И больше ничего он не хотел, не думал, кроме как идти вперед в гору, не сгибаясь, сжав зубы и противостоять не только разбушевавшимся силам природы, сколько победить себя, свою слабость. Если он этого не сделает, значит, он ничего не сможет сделать в жизни и зря ее проживет.

Начался более крутой подъем по глинистой тропе, ее еще больше размывало дождем, и она стала скользкой. Сверкнула еще одна молния, прогремел гром, Подмастерье увидел высокий дуб за ним начиналась его деревня, совсем немного, и он будет в кузнице, и принесет корзины с глиной, – идти осталось немного.

Шаг, еще один, ветер сбил его с ног, он упал. Корзины придавили его к земле, не давая встать. Шквал ветра мешал подняться. Лежа на земле, Подмастерье говорил себе только одно: – Не сдаваться, никогда не сдаваться.

Вновь поднявшись и взвалив корзины, он пошел вперед. Ветер обдал его стеной дождя и вновь свалил его с ног. Упав на колени, юноша закричал, чтобы перекричать рев ветра, чтобы хоть как-то доказать, что он сильнее, и у него есть силы противостоять своей слабости, его голос моментально потух в реве грома, а его самого нещадно поливал дождь.

Подмастерье поднялся и, вновь взвалив корзины на плечи, пытаясь не упасть и не соскользнуть вниз, сделал осторожный шаг. Ноги съезжали вниз, идти становилось все труднее, тропинку размывало дождем, а ветер становился все сильнее.

– Идти вперед и не останавливаться, не сдаваться, говорил себе он. – Никогда не сдаваться, никогда не сдаваться, что бы ни случилось.

Поднимаясь все выше и выше, Подмастерье изо-всех сил пытался удержать равновесие, потихоньку взбираясь вверх. Шаг за шагом он становился все ближе к цели.

Сильный ветер пытался сбить его с ног. Но все же Подмастерье решил не бросать корзины с глиной и донести их. Он вспомнил слова Кузнеца:

– Буря не твое дело. Твое дело принести глину. Ветер предательски подул в спину, он вновь упал.

– Вставай, Шамо, вставай, иначе тебе незачем будет жить, – говорил он себе.

Подняться вновь, и дальше нести корзины с глиной было бессмысленным. – Зачем? Глину можно было принести и завтра, но то, что осталось, он донесет, и ничто не сможет ему помешать: ни ветер, который не давал подняться, ни размокшая земля, которая скатывала его вниз, ни стена дождя. Он встал, взвалив корзины, и сделал осторожный шаг. Ветер пытался вновь свалить его, но он смог противостоять ему и устоять на ногах. Ливень потоками холодной воды падал вниз. И тут ветер подул спереди, чего Шамо не ожидал. Он опять упал, поскользнувшись на глинистой тропе.

Подняться ему помог Кузнец. Он пошел искать своего ученика, который, возможно, заблудился в буре, но Кузнец не ожидал, что тот несет с собой еще и глину. До дома они дошли вместе. По лицу Кузнеца было видно, что он доволен учеником. Ему нравились упорство и твердость пасынка.

– Меня зовут Шамо. Сказал за ужином юноша.

Ни Расма, ни Кузнец ничего не ответили. Только старое лицо Кузнеца еще больше озарилось радостью. Он не ошибся, его ученик нашел свое имя, значит, найдет свое занятие в жизни... Дни проходили, Шамо подолгу работал в кузнице. Старик все больше отдыхал, наблюдая за работой своего подмастерья, он подсказывал Шамо, что надо делать. Но, в основном, Шамо делал черновую работу, все остальное доделывал старик, только ему железо послушно поддавалось, приобретая нужные формы.

Рудокопы

Недалеко от кузницы были шахты, где добывали железную руду; рудокопы меняли руду на зубила и кирки, которые сам Шамо мог делать без упреков со стороны учителя.

Когда Шамо в первый раз пришел к ним по поручению кузнеца, они начали торговаться с ним, в итоге Шамо принес намного меньше руды. Это оскорбило Кузнеца, он сделал выговор Шамо.

– Ты должен ценить свой труд и работу, сейчас ты принес намного меньше, чем можно было. В следующий раз не дай себя обмануть и оговорить. И никогда не торгуйся, рудокопы согласились бы на твои условия, но ты оплошал.

– Они сказали, что инструменты столько не стоят.

– Они бесценны, сделанные руками человека, они не имеют цены, так же как и руда, что они добывают, все это отношение людей друг к другу, если тебя обманывают или торгуются, значит не уважают. В следующий раз заставь себя уважать.

– Я попробую, – ответил Шамо. Но по глазам Кузнеца увидел, что не такого ответа тот ожидал.

– Как это сделать? – спросил юноша неуверенно и тихо.

– Я стар, мне не все время учить тебя, решай сам, как быть и как жить.

В следующий раз Шамо пошел к рудокопам уже более уверенным. Он вез на ручной телеге не только орудия труда – кирки и зубила, но и наконечники для стрел. Рудокопы сами занимались охотой.

Они жили небольшой общиной, где были свои правила и устои. В основном, это были те, кто устал от жизни разбойника или не хотел возделывать поля. Их работа была тяжелой, но никто из них не уходил, если выдерживал такую жизнь, нелегкую и трудную. Жить которой мог не каждый. Самых рудокопов объединял их труд и образ жизни.

Увидев Шамо и ожидая его, они обрадовались. Сначала они дали ему инструменты, которые нужно было поправить или поточить. Шамо взял их, не говоря ни слова. Потом рудокопы стали выбирать себе новые кирки и зубила, которые принес подмастерье, внимательно приглядываясь к ним. Отложив то, что им было нужно, они принесли железной руды. В этот раз ее было немного.

– Раз вы предлагаете столько руды, то ваши инструменты скоро сломаются, а я больше не приду к вам. Ваши орудия сломаются из-за того, что в них мало железа, у нас нет больше железа, – сказал Шамо, осматривая руду, что дали ему рудокопы.

– Эй! Ты что говоришь, ты принес нам плохие кирки и зубила, можем ли мы дать тебе больше руды, если сам говоришь, что инструменты плохи.

– Я сказал, почему так вышло, в прошлый раз вы обманули меня, теперь ваш обман вернулся к вам – вот результат.

Рудокопы задумались.

– Но ты сам взял руду и, не сказав ни слова, ушел.

– Я не знал, что положено больше, теперь я знаю, сколько вы должны дать за то, что взяли.

– Значит, ты хочешь больше, что же, проси.

При этих словах Шамо, молча, положил кирки и зубила в телегу, развернулся и пошел.

– Куда же ты идешь? – спросили рудокопы.

– Мне велено принести руды, что же, я пошел ее добывать.

Никак не ожидая такого поворота событий, суровые рудокопы немного удивились. Их удивление стало еще больше, когда они увидели, как Шамо на следующий день сам разраба-

тывал небольшую шахту, добывая крохи необходимого железа. Посмотрев, как он работает, рудокопы лишь немного улыбнулись.

Непривычная работа была тяжелой и изнурительной, но закалка в кузнице, физическая выносливость, также как и упорство, помогли Шамо.

Он знал, что за ним наблюдают рудокопы и смотрят на его работу. На третий день Шамо нашел залежи руды. Это была большая удача, но в этом ему помог Кузнец, который рассказал, по каким признакам можно найти железо.

На третий день он уже добывал железо, возил его на ручной телеге в кузницу поздно вечером, обессиленный и изнеможенный.

Кузнец, узнав о его решении самому добывать железо, ничего не сказал, ни слов одобрения, ни упреков.

– Решай сам, что тебе делать, – это прочитал в его глазах Шамо. Работу в кузнице старик взял на себя – ее было не много.

На четвертый день, когда Шамо добыл много железа, уже приносившись и привыкнув к новому труду, к нему подошли рудокопы.

– Что же, парень. Видно, из тебя получится хороший рудокоп. Приходи к нам.

– Не приду, – сухо ответил Шамо.

– Это почему?

– Есть у меня дело одно, и есть человек один, ни того ни другого предать не могу.

– Ну, понятно, что ты кузнецом стать хочешь, зачем руду добываешь?

– Чтобы знать, какова ее цена. И понимаю я, что пока я здесь руду добываю, кузнец старый работает. Хоть стар он, а труд его потяжелее будет.

– Это чем же тяжелее?

– Тем, что вкладывает он душу в железо холодное. Из куска неприметного, что под ногами лежит, может красоту сделать. И смотрю я на него, старого, и удивляюсь, откуда в нем сил столько, чтоб молотом махать на старости лет. Вот и наказал он мне принести столько-то руды, обменяв их на инструменты. Но не хотите вы давать руду, что же, сам ее добывать буду. И знаю теперь, какова цена ее.

Рудокопы ушли немного озадаченные таким ответом... Шамо повез телегу с рудой в кузницу, заметив, что теперь она стала немного тяжелее, чем раньше. Сегодня он добыл больше руды, чем раньше, но и усталость давала о себе знать.

На шестой день, видя как Шамо упорен и решителен, подошли еще раз к нему рудокопы. Видели они, что Шамо, не жалея себя, трудится и работает на износ, и никак не отступает от своей цели. И узнали еще, что и по ночам в кузнице работает. Но никак не идет к ним, не просит свою цену.

– Не то из гордости, не то из упрямства, – думали рудокопы.

Поначалу они насмехались над ним, потом присмотрелись, теперь задумались. Зачем ему нужно было их труд на себя брать. Ведь мог он договориться, но не шел, не говорил, и работал так, как не каждый смог бы. И прониклись они уважением к нему. Видели они, какие крохи он добывает, и как тяжело они ему даются, но приходит в шахту день за днем и работает, добывает, делает, когда и сил уже почти нет.

– Не из упрямства, не из гордости, – сказал один рудокоп. – Из обиды. Обманули мы его из своей выгоды, вот теперь он сам все делает, уважения добивается.

– А что ж его не уважать – подмастерье кузнеца, труд его всегда уважаем.

– Вот в том и дело, что труд кузнеца уважаем, и все мы знаем Старого. Но вместо труда своего, молодой нашу работу делает, неверно это.

– Он сам так решил.

– Он решил своим трудом руду добыть, свою цену он назначил, не нашу, так и платить ему.

На следующий день пришли рудокопы к Шамо. Тот, ни свет ни заря уже был в своей маленькой шахте. Вывозил породу на своей телеге, подальше от шахты.

– Эй, парень, хорош тебе работать, да себя губить. Знаем, что ты хочешь, свою цену ты поставил.

– Не в цене дело, – перебил Шамо, продолжая свой труд.

– Не в этом, так не в этом. Не твой труд это. Иди домой, отдыхай и приходи назавтра, все отдадим.

Шамо осмотрел рудокопов, под его тяжелым, сильным взглядом не по себе стало суровым рудокопам.

– Коль так говорите, то приду завтра.

На следующий день Шамо привез несколько телег руды в кузницу. Кузнец не верил своим глазам, видя то, что делает Шамо.

– Сколько же ты руды добыл? – спросил он.

– Это не я, рудокопы.

– Это ты ее добыл. Рудокопы, что обмануть тебя хотели, теперь вернули долг. Я не ожидал такого, – говорил удивленно Кузнец. – Как ты это сделал, что произошло? – спрашивал старик, зная суровый нрав рудокопов.

– Ничего, я не стал просить цену и торговаться, своим трудом узнал, какова цена руды. Но рудокопы сказали, что не мой труд это.

Изнеможенный Шамо чуть было не плакал, говоря эти слова, сам не зная отчего. – Тогда они пришли и сказали, что все отдадут...

Шамо не договорил, что-то заставило его убежать. Плач, что вырывался из сердца, не дал ему договорить. И сам Шамо не знал, отчего он плачет, а на сердце не то что тоска, а вой – будто волки по ночам воют.

Кузнец все же нашел его, он подсел рядом и налил вина, они, молча, выпили.

– Ты сделал то, о чем я и не подумал, – заговорил Кузнец. – Если бы ты стал торговаться, они бы уступили, но ты сделал лучше, ты заставил себя уважать.

– Я не знал, как подойти и назначить свою цену, – ответил Шамо. – Как можно назначить цену, не зная, каким трудом достается железо.

– Любой труд тяжелый. Но то, что сделал ты – лучше всего. Если бы ты торговался, тебя бы не уважали, и с каждым разом давали все меньше. Теперь никто не сможет тебе прекословить.

Шамо ничего не ответил на слова старика. Рыдания и плач так и вырывались из его груди, усталость и сильное утомление владели не только его телом, но и душой. Он не хотел показывать свою слабость, но и удержаться не мог.

– Ничего, поплачь, скоро станет легче. Знаю я, что на душе у тебя нелегко, да и на сердце не то тоска, не то тяготит что-то. Крепись, скоро все пройдет, и жизнь засверкает, все поймешь по-другому, а теперь плачь, не бойся.

Кузнец по-отечески обнял Шамо, из глаз которого тут же полились слезы.

– Тебе нужно отдохнуть, – тихо сказал старик. – Ты слишком много сделал, сверх своих сил.

Шамо то успокаивался, то опять из него вырывался плач. Вино расслабило его. Через некоторое время он спал, сытый и уставший, беспробудным сном изможденного человека.

Несколько дней Шамо отдыхал, Кузнец не давал ему работы, только по мелочи. Да и сам Шамо понимал, что перетрутился, но усталость и утомление понемногу проходили. Теперь Шамо почувствовал к себе совсем другое отношение со стороны кузнеца. Если раньше старик

не видел в нем кузнеца, и не скрывал этого, за что и был недоволен пасынком, то теперь Кузнец по– другому посмотрел на Шамо, не как на своего подмастерье – судьба которого предначертана, а как на человека, знающего, что делать, если не в кузнице, то в жизни. И теперь понял Кузнец, что не зря встретила их судьба, не зря он нашел на пороге своего дома подкидыша.

– Коль не передам я мастерство кузнеца, то опыт жизни могу передать, оно ценнее будет, – решил так Кузнец.

Другие уроки

И стал теперь Кузнец иначе делать, не гнать в кузнице подмастерье, как раньше, ругая, на чем свет стоит. Теперь он брал те заказы, которые Шамо мог сделать сам для пропитания, остальное кузнец брал для души, для себя, чтобы еще как-то реализовать себя, почувствовать жизнь, которой становилось все меньше в его старческом теле.

Но после трудного дня в кузнице, когда сам старик, да и Шамо тоже были уставшими от проделанной работы, но, тем не менее, довольные своим трудом, садились они на крыльце кузницы, открывали кувшин вина и начинали долгие разговоры. Иногда это были воспоминания кузнеца, иногда просто притчи или рассказы, но все они несли в себе нечто, что заставляло Шамо задуматься.

Старик иногда говорил такие вещи, от которых душу молодого человека переворачивало, также как и его мировосприятие, и теперь все, что его окружало, он воспринимал и понимал по-другому. Иногда удивляясь и задумываясь над тем, что с ним происходило. Его поражало то, что он сам может изменять вещи.

Допустим, из куска железа выковать наконечник для стрел, или отлить из раскаленного металла кувшин или чашу. Шамо своими руками мог изменять вещи, это его очень сильно удивляло. Еще более он восхищался талантом Расмы. Она рисовала на чашах рисунки или орнаменты, образы людей и зверей получались у нее очень хорошо. Потом Кузнец набивал острым наконечником долота маленькие линии на кувшине и долго полировал их. Такое занятие было не совсем по душе Шамо. Он завидовал усидчивости и терпению Кузнеца. А полировать чаши старик мог месяцами. Его сильные пальцы, казалось, протирали насквозь тонкие стенки чаши и никогда не знали отдыха и усталости.

Шамо, глядя на старика, сам хотел дожить до его старческих лет и заниматься любимым делом. Но, как казалось самому Шамо, он и в свои юные годы никак не сможет потягаться с мастерством и силой с Кузнецом. Сила и хватка, которого, были железными, и Шамо не удивился бы, если бы кузнец взял забракованную железную чашу и скомкал ее своими пальцами в небольшой шарик.

Но больше всего уважал Шамо Кузнеца, как человека. И даже характер старика – жесткий, принципиальный и непредсказуемый не могли затмить уважение и радость, испытываемые при виде этого пожилого человека.

Кузнец, в основном, был отзывчивым, если вопросы или разговоры Шамо касались работы. Если Шамо, что называется, пустословил, кого-то обсуждал, что-то вспоминал, Кузнец ничего не отвечал, требуя от своего ученика такого же молчаливого понимания не только того, что он делает в кузнице, но и в жизни.

Шамо всегда понимал по взгляду Кузнеца, что тот хочет, сам не зная, как. Иногда старик сам запрещал ему говорить.

– Что бы стать мастером, нужно чувствовать, что ты делаешь, не только в кузнице, но и в жизни. Только так ты узнаешь, что нужно сделать в данный момент, что бы не ошибиться.

– Я могу чувствовать свое тело, но как почувствовать железо или внешний мир, я не понимаю.

– Ты должен понять то, что не понимаешь. Ты должен следить за собой и поменьше говорить. Когда делаешь свою работу, нельзя чтобы тебя отвлекали. Но и оставаясь с самим собой, нечего думать и размышлять. Нет ужаснее того, когда человек говорит сам с собой в своей голове. Это отвлекает не только от работы, но и от жизни.

– Но я всегда о чем-либо думаю, – ответил Шамо.

– О чем? И имеет ли это отношение к тому, что ты делаешь в данный момент?

– Ну, чаще всего нет, – ответил, подумав, Шамо.

– Тогда зачем думать, некоторые мысли убивают человека заживо, стирают его жизнь.

– Но ведь есть такие мысли, которые, наоборот, словно оживляют, – ответил Шамо.

– Да, есть такие мысли. Радостные и светлые, но чаще всего это не мысли, а ощущения и переживания. Они намного реальнее и ценнее, чем мысли, которые скоро забываются. А вот радостные ощущения и переживания остаются на всю жизнь. Так же как и плохие мысли, они не только портят жизнь человеку, но могут погубить его будущее.

Шамо задумывался над словами старика, его мудрость и прямословие иногда не только удивляли его, но и шокировали. Какая-нибудь обыденная вещь или ситуация могла стать для старика божественным откровением, основой сотворения жизни. В своем ремесле он видел все, от вынужденной тяжелой работы, до праздного развлечения над вещами. Он был и человеком, и творцом, мудрецом и дураком. Шамо иногда оставалось только удивляться ему. Он не понимал, как можно сокрушаться по поводу загубленного железа несколько дней. И при этом с легкостью переносить жизненные невзгоды, голод и усталость, смерть близких людей и невзгоды..

Недавно в деревне умер человек от болезни, он был дальним родственником Кузнецу. А тот, чуть ли не с улыбкой вернулся с похорон. И опечалился лишь тогда, когда увидел, как напортачил его подмастерье.

Отругав Шамо на чем свет стоит, он сам переделал работу. Шамо следил за действиями кузнеца, и видел он, как легко дается старику работа.

Сделав все как надо, Кузнец попросил вина. Как только он вышел из кузницы и немного пригубил вина, от его сосредоточенности и нахмуренности не осталось и следа. Его лицо словно озарилось жизнью и радостью.

– Но, неужели, – спросил Шамо, который сам переживал смерть знакомого ему человека, еще больше удивившись, завидев радостное лицо кузнеца, – Неужели ты не можешь радоваться жизни в кузнице. Почему ты злой такой, когда работаешь, и радуешься жизни, что бы она тебе ни принесла. Ведь другие сегодня в горе и печали. А ты с радостью вино пьешь?

– Что ты говоришь? Радуюсь жизни, что бы она мне ни принесла? А что же с ней, с жизнью, еще делать? Только радоваться ей, родимой. Спрашиваешь, почему злой такой в кузнице. Это не злость, это хуже. Это сила моя и дар мой, и коль скоро могу я проявить его, то так и делаю, и нет во мне, старом, понимания того, как можно что-то не сделать, или сделать что-то не так.

От того и сержусь я, глядя на тебя, не понимая тебя и твои действия. Но, может, все еще придет к тебе. А что касается скорби и печали, и смерти то я скажу, – старик сделал огромный глоток вина.

– Скажу тебе по секрету. Продолжил старик. Что не мы живем, возможно что мы все мертвы, живут те, – кто умер, а мы существуем, присутствуем при жизни, когда грустим и не знаем чем себя занять. Мы лишь иногда живем, живем только тогда, когда счастливы, а от чего счастье и не важно, – просто, чтобы оно было. А тот, кто сегодня умер, – старик сделал большой глоток вина. – Что ж, я никогда не считал жизнь здесь, в этом мире, удобной и счастливой, по ту сторону жизни все лучше.

– По ту сторону жизни? – Спросил Шамо. – Кто тебе сказал что есть другая сторона жизни?

– Она есть.

– Но вдруг там ничего нет?

– Это не может быть так, ничего нет – там есть все. Это у нас ничего нет. А там есть все.

Но «там» у каждого свое, не то, что здесь – все общее и все ничье.

Шамо взял кувшин у старика, и тоже выпил вина, Кузнец не особо препятствовал.

Он хотел услышать от старика еще нечто такое, чего не слышал, слова, которые цепляли за душу и проникали в сердце. Жить от которых становилось легче и понятнее.

На следующий день Шамо приступал к своим обязанностям, работа в кузнице не могла надолго останавливаться, и вчерашнее доброе вечернее настроение кузнеца на утро испарялось как туман. И если Шамо что-то делал не так, или просто губил железо или заготовку, тогда от ругани кузнеца некуда было спрятаться. И эту ругань Шамо ненавидел больше всего. Это было невыносимо, он делал все, что мог и где то допускал ошибку, и за это получал много тумаков, а потом еще и брань. Тогда руки самого Шамо опускались. Но все же он не терял духа и трудился что было сил.

Молодому подмастерье было трудно, но интересно работать с кузнецом, перенимать его опыт и знания. Иногда взгляд старика, какой-то осветленный и проникновенный давал ему столько сил, что Шамо не находил себе места, не знал куда девать свою энергию.

И в то же время он не понимал, откуда берутся в нем силы. Когда сам Шамо, уже изнеможенный, почти не мог стоять на ногах. И тут, вдруг, от простого взгляда старика в нем появлялась сила, с которой он мог сделать еще столько же, если не больше.

Но сам Кузнец не давал ему работать слишком много. Только иногда, по необходимости.

Иногда Кузнец вечером наливал вина и начинал беседовать с ним. Шамо очень ждал этих бесед. Разговорчивость старика давала ему намного больше сил и знаний о жизни. Весь свой опыт старик мог передать в нескольких своих словах, зная своего пасынка, как себя. Но перед этим разговором Кузнец ждал подходящего момента, чтобы его ученик все понял с первого раза. Всего несколько его слов, и Шамо завладевало незабываемое чувство свободы и тихой радости. Другие слова старика заставляли его надолго задуматься. Самому кузнецу нравилась пытливость и любознательность подмастерья, он видел, как его пасынок впитывает опыт жизни.

Они сидели во дворе кузницы теплым вечером; старик, не спеша, пил вино и с задумчивым взглядом разговаривал с Шамо.

– Есть в тебе что-то такое, – говорил старик. – Что дает тебе понять такие вещи, о которых многие не подозревают, да и сам я, объясняя тебе что-то, иногда сам все понимаю по-другому. Вот только жаль, не быть тебе кузнецом, не дано тебе это, – сказал он прямо, глядя на реакцию Шамо.

– То есть, как не быть? – переспросил Шамо.

– В тебе что то другое есть, что, я не знаю. Но как кузнец ты не станешь мастером, не дано тебе.

– И что же мне делать? Спросил Шамо, но не получил ответа.

Слова кузнеца не удивили его. Старик не раз говорил об этом, в основном, намеками. Теперь он сказал все ясно, Шамо не дано стать кузнецом, таким же мастером, как и Старый, Шамо стало грустно и тяжело.

– Куда пойти, или что мне делать, подскажи? Спросил он.

– Ничего, живи, а потом жизнь все расставит на свои места.

– Может, вам найти другого ученика? – спросил Шамо. – Ему вы можете передать свое мастерство...

– У меня уже есть один ученик, другого не надо. И если не станет он кузнецом, то станет он хорошим человеком. Сказал старик.

Шамо ничего не сказал. Значит, все его старания в кузнице для него были тяжкими, а ведь есть где-то человек, который смог бы овладеть ремеслом кузнеца намного быстрее и лучше, чем он.

А я, на что я способен и для чего рожден, какие у меня способности? Спрашивал себя Шамо, но он не знал ответа на свои же вопросы.

Он еще долго просидел в темноте ночи. Даже когда старик ушел спать, Шамо остался, наблюдая за сиянием звезд и немного печалась – он не будет кузнецом. Что ждет его, какая судьба; казалось, кузнец знал ответ, но как вывести его? Как задать правильный вопрос. И

так ли это нужно. Знать, что будет? Не лучше ли просто радоваться жизни и все. Принять ее, родимую, всей душой и сердцем, всем своим существом, и жить. Жить, с такой же жадностью, с которой утоляют долгую жажду, жить так же, как и солнце, земля, звезды, звери птицы – все, что есть и живет, и больше ничего знать не надо. Жить так же, как и все вокруг, весь этот огромный мир, вместе с ним и в нем.

Последнее завещание

– Я скоро умру, сказал Кузнец Расме.

Слова старика огорчили Расму. Это означало, что ей надо было искать себе новый дом. Кузнец ничего не мог оставить ей. Одна она не могла прокормиться и выжить. На юношу еще нельзя было положиться, он не мог прокормить ни себя, ни Расму, и работал только под приглядом кузнеца.

– А он, что будет с ним? – спросила она.

– Я позабочусь о нем.

Шамо ничего не сказал, о нем говорили, как будто его и нет. И он ничего не мог сказать. Долгое время Кузнец делал заготовки и готовил железо, работая вместе с Шамо в кузнице.

– Это мой последний труд, который я возьму с собой, – сказал он Шамо.

– А что это? – спросил подмастерье, который стал по-другому относиться к старому кузнецу, зная, что тот умрет.

Но еще больше Шамо поражало то, что Кузнец сам знал, что умрет и спокойно относился к этому. Кузнец, зная о своей смерти, как ни в чем не бывало, работал в кузнице, то и дело подгоняя Шамо, чтобы он быстрее разогревал меха или приносил разные руды, которые плавил кузнец, казалось, совсем не замечая жара и пекла, тяжелого труда.

– А что у нас за заказ такой срочный? Спросил Шамо, как можно более мягко, он не хотел волновать кузнеца.

– Это будет меч, он поможет мне там, по другую сторону жизни. После смерти мне придется сражаться, чтобы попасть в другой мир, более лучший, чем этот.

– А откуда ты знаешь?

– Так мне говорили предки, и однажды я говорил с одним небожителем Его имя Лань, он сможет ответить на все твои вопросы, если ты его найдешь.

– А кто такие небожители, и кто такой Лань?

– Если ты не станешь кузнецом, то узнаешь ответы.

Старик махнул рукой, показывая Шамо, что ему нужно быть порасторопнее и поменьше говорить.

Внезапный паралич сковал старика. Весь его труд пришлось взять на себя Шамо.

Теперь Кузнец мог только наблюдать за работой подмастерья, но сам он ничего не мог сделать, только говорить и негодовать от своего бессилия.

– Да не так держи заготовку, а по-другому, и бей с чувством, с пониманием, а не с размаху, – старик сидел в кузнице и только указывал Шамо, что и как делать.

Сам старик изнывал от своей немощи и не мог смотреть, как для него простую работу не мог выполнить его подмастерье. Сам Шамо уже несколько возмужал, он уже многое понимал в жизни и имел свое мнение о происходящем с ним – теперь он делал свой первый заказ. Если он не сделает то, что надо, значит, ему здесь делать будет нечего. Поэтому юноша все свои силы и упорство направил на работу.

На следующий день Шамо пришел в комнату старика, чтобы отнести его в кузницу.

– Уходи, я не могу ходить, – сказал кузнец своему подмастерью.

– Я отнесу вас.

– Нет, уходи.

Не послушав, юноша взял на руки немощного старика и отнес его в кузницу, где под его присмотром ковал меч, который старик должен был отнести собой в могилу, как и подобало по обычаям его рода.

Прошло время, Шамо все так же старательно работал над мечом. Он не пускал к себе в комнату Шамо, только Расму.

– Я сделал то, что вы просили, – сказал однажды юноша, заходя в комнату старика, несмотря на запреты и показывая меч своему учителю.

– Нет, это не то, уходи, – ответил старик, едва взглянув на меч.

Юноша, склоня голову, уходил, не зная, что делать. Каждый день он выкладывался изо всех сил, старался и делал. Он не хотел зря беспокоить старика, и, тем не менее, с каждым днем все ближе был к цели и чувствовал это.

Настал день, когда кузнец признал работу.

– Еще день, и ты бы не успел. Вот только плохо, не придется мне взять этот меч с собой – он слишком хорош, – сказал с едва заметной улыбкой кузнец.

Оторопев, юноша ничего не мог ответить. Он вложил всю свою душу, чтобы познать, что было нужно кузнецу, и чтобы выполнить свой долг. А теперь от всего этого отказывались.

– По ту сторону жизни мне не придется сражаться, и этот меч принадлежит тебе. И тебе решать, остаться тебе или уходить.

– Здесь нет места для меня, – ответил юноша.

– Да, я знаю. Иди к горам, там есть перевал. На заре ты увидишь, как солнце озарит путь, туда и иди. Встретишь там человека, будь с ним, меч бери с собой. Прощай. И не приходи ко мне больше, дай старику отдохнуть.

Юноша склонился, пряча свои слезы, покорно вышел.

Прощание с Расмой было долгим и ненужным, оно только оставило тяжесть в душе.

До гор идти было далеко, они едва виднелись в дали. Путь туда показался юноше трудным. Обычный уклад жизни был нарушен, долгие переходы были для него в новинку, к тому же надо было торопиться, нельзя было пропустить нужный день.

– Возьми эти бусы. Каждый день снимай с них по камешку. Ты должен оказаться у гор, когда останется на них последний камень.

Расма с трудом могла объяснять Шамо дорогу к горам. Горе было для нее тяжелым, к тому же она теряла не только отца, но и Шамо, к которому уже привыкла.

Шамо уходил с неохотой, но Расма сама просила его уйти отсюда.

– Отец часто говорил о твоей судьбе, тебе не нужно здесь оставаться, уходи. Шамо с трудом выслушивал ее слова, но сам кузнец пожелал того, чтобы он шел в горы, это было его последнее завещание.

Жизнь кузнеца не была для Шамо обременительной, скорее, привычной, и он сам не хотел уходить, но он не мог послушаться последнего слова Кузнеца, которые передала ему Расма.

Кузницу Расма вскоре продала, покупатель нашелся, это был постоянный заказчик – купец, который заказывал у кузнеца оружие. Он мог нанять рабочих и кузнецов, и теперь в кузнице изготавливалось оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.